



**Максим Александрович**

**Емельянов-Лукьянчиков** — историк, журналист, путешественник, кандидат исторических наук, специалист по русской истории и истории цивилизаций Тропической Африки, автор книги «Иерархия радуги. Русская цивилизация в наследии К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского, О.А. Шпенглера, А.Д. Тойнби», автор и ведущий исторической программы «Акценты» на Радио «Радонеж» (2007–2010), постоянный автор программ «Час истины» и «Киноистория» на Первом историческом канале «365 дней ТВ» (2009–2012), участник программ, посвященных путешествиям и русской истории на «Народном радио», телеканалах «Культура», РЕН ТВ, «7 ТВ», организатор и участник путешествий по России и Африке

# Система координат русской цивилизации

**В** наш век информации и мнимой свободы выбора между различными религиозными, культурными и государственными идеалами обычный человек теряется и тонет в этом потоке либо хватается за ближайшую кочку, за которой не видит подлинного монолита традиции.

За семь тысяч лет существования человеческих обществ оформилось подлинное многообразие мира, состоящего из самобытных цивилизаций, у каждой из которых были своя вера, своя культура, своя государственность. Несмотря на разнообразие исторических типов, каждый конкретный человек был творцом и принадлежностью конкретной традиции и не терялся в поисках смысла жизни, ибо с детства научался тому,

что есть хорошо, а что есть плохо.

Но начиная с XV века на Западе, а несколько позднее и по всему миру (в России — со второй половине XVII века) стал набирать силу процесс разложения традиционных ценностей. К началу XXI столетия этот процесс настолько рельефно оформился, что позволяет говорить о том, что мы имеем дело с изменой традиции, ее уничтожением, равно как и навязыванием всему миру ценностей сугубо негативного свойства, которые не только противны христианству (и любой традиционной религии), но и прямо обманывают своих adeptов.

Под лозунгом «свободы» мы идем к новому рабству. Строя «национальные государства», мы выращиваем диктатуру меньшинства.

Николай Рерих. Русская Пасха. 1924



Взыскуя «хлеба», мы получаем новое неравенство со строгим распределением материальных благ. Красивые обертки либерализма, племенизма, социализма и глобального общества превращают мир в противоположность всему тому, что было свято, дорого и родно нашим пращурам на протяжении всей истории мира. Вся надежда на последних приверженцев традиции — то есть традиционалистов.

Что же такое — этот традиционалист?

Современный традиционалист ратует за многообразие цивилизаций, их религий, культур и государств. Коль скоро он житель русской цивилизации, он — православный христианин, представитель традиционной русской культуры и апологет традиционной русской государственности.

**Идеал и реальность — вещи далеко не идентичные, в наибольшей степени они совпали во второй половине XV — первой половине XVII веков, в эпоху, которая для всякого традиционно мыслящего человека является временем наибольшего расцвета России.**

Традиционалист понимает, что Россия не является ни Европой, ни Азией, ни Евразией, ни продолжением Византии, ни мифической «славянской цивилизацией». Россия — это Россия, самодостаточная русская цивилизация.

Он рассматривает взаимоотношения России с Европой и всем миром с позиций русского национального идеала и с позиций исторической реальности. Идеал и реальность — вещи далеко не идентичные, в наибольшей степени они совпали во второй половине XV — первой половине XVII веков, в эпоху, которая для всякого традиционно мыслящего человека является временем наибольшего расцвета

России. Тем не менее традиционалист знает и любит все периоды русской истории — много прекрасного было и в Киевской Руси, и в удельной Руси, и в имперский и советский периоды.

Традиционалист — ни либерал и ни консерватор, ни космополит и ни фундаменталист, ни реалист и ни идеалист, ни оптимист и ни пессимист. Все это — вторичные, однобокие, поздние деления. У истории всегда два колеса. Но это не значит, что он занимается синкретизмом, пытаясь сплавить в единый котел разные учения. Нет, он опирается на традицию, которая расположена по ту сторону всех подобных «измов».



Освальд Шпенглер

Кроме того, для традиционалиста важнее восхвалить хорошее, чем покритиковать плохое. Он больше апологет, чем критик, ищет поводы для воспевания России, а не для ее (или ее соседей) критики, равным образом он стремится обрести единомышленников, а не критиков, друзей, а не врагов. Традиционалист всегда уважает мнение, отличное от его собственного, и ценит умение аргументировать такой иной взгляд. Он не приемлет коверкание русского языка, нелогичность речи и уход от ответа («политкорректность» и «толерантность»).

Традиционалист всей своей жизнью призван показать ложную сущность таких явлений, как либеральная демократия, племенизм, расизм, колониализм, русофобия, нацизм, социализм, коммунизм, глобализм, экуменизм, дарвинизм и иже с ними. Современная мировая революция рядится в пестрые и, как ей кажется,

разнообразные одежды, маскируя свою сущность многими терминами и идеологиями, последователи которых чаще всего не находят общего языка друг с другом. Не находят до тех пор, пока речь не заходит о традиции как общем враге всех этих направлений. Ибо в свете традиции любой трезво мыслящий человек сразу видит ничтожность, противоречивость и пагубность всех этих идеологий, они буквально истребаются на глазах, несмотря на тонны книжной макулатуры, терабайты виртуального потока, произведенные ими на останках миллионов людей, ими же загубленных.

Приводимые утверждения основываются как на религиозных текстах, так и на научных трудах — Священном Писании и наследии основателей цивилизационного подхода — Константина Леонтьева, Николая Данилевского, Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби.

Цивилизационный подход и христианская историософия говорят нам о том, что деление исторического процесса на «древний», «средний» и «новый» периоды совершенно нецелесообразно. Этот вывод проистекает из отсутствия какой-либо конкретно-исторической реалии, которая могла бы носить именование «человечество». Вне сугубо богословской мысли такое понятие является не более чем проекцией европоцентричного сознания на совокупность исторического бытия. Точно так же и понятие «Восток» не представляет собой чего-либо реального, но является всего лишь совокупностью всего того, что нельзя включить в понятие «Запад», являющееся синонимом европейской цивилизации. Россия же не принадлежит ни к реальным цивилизациям Византии и Европы, ни к умозрительным фантомам «Вос-

тока» и «славянства» и является самостоятельным историческим типом — русской цивилизацией.

Цивилизация есть высшая категория исторического процесса.

Любая цивилизация состоит из трех частей (религии, культуры и государства) и последовательно проходит через три стадии исторического развития (первичной простоты, цветущей сложности и вторичного смесительного упрощения).

Приведенные представления основателей цивилизационного подхода органичны для христианской традиции России и Европы. Согласно ей множественность цивилизаций — множественность, образовавшаяся после вавилонского столпотворения, — является удерживающим фактором: разность цивилизаций предохраняет мир от губительной для исторического развития унификации.

Леонтьев и Шпенглер называли четкий срок жизни цивилизации — до 1200 лет. Любая цивилизация ограничена во времени.

Коль скоро исследователь оперирует представлением не о мифической «всемирной цивилизации», а о множественности исторических миров, вполне закономерно обращение к составлению списка цивилизаций, когда-либо имевших место в истории. Первым его составил Данилевский, который насчитал в истории пятнадцать исторических типов. Это Египет, Китай, Ассирия, Вавилон и Финикия — как части одной цивилизации, Халдея (древне-семитский тип), Индия, Иран, Еврейский тип (объединяющий в себе Израиль и Иудею), Греция, Рим, Аравийский тип (новосемитский), Мексика, Перу и Европа (германо-романский тип). Кроме того, мыслитель писал о «славянской цивилизации».



Лукас Ван Валькенборх. Вавилонская башня. 1595

Стоит упомянуть поразительную иллюстрацию указанного перечня в виде своеобразной карты, высаженной самим Данилевским и его семьей на территории имения Мшатка в Крыму. Мыслитель в аллегорической форме изобразил пространственно-временное поле истории. В России подобное начинание имеет давнюю традицию. Можно вспомнить замысел «Святая Святых» царя Бориса Годунова и Новый Иерусалим царя Алексея Михайловича и патриарха Никона. Они переносили на русскую землю сакральную историю. Данилевский то же самое сделал с историей цивилизаций. Но в его имении появились не только Пирамиды (египетский тип), Каменный сад (китайский), Оливковый сад (греческий), Мавританский бассейн (арабийский), но и Гефсиманский сад, с одной стороны, призванный символизировать собой израильскую цивилизацию, а с другой —

**Согласно христианской традиции России и Европы множественность цивилизаций – множественность, образовавшаяся после вавилонского столпотворения, – является удерживающим фактором: разность цивилизаций предохраняет мир от губительной для исторического развития унификации.**

продолжение традиции «перенесения» сакральной географии (Мф. 26: 36; Мк. 14: 32). И наконец, в числе других садов-типов (не все из которых однозначно атрибутируются – в силу известных событий начала XX века имение было разрушено) присутствует фонтан «Ключевой источник», который действительно является ключом к этой композиции. В свое время Данилевский, заканчивая в Мшатке книгу «Россия и Европа», поместил в конце своего труда стихотворение Алексея Хомякова «Ключ». Стихотворение было призвано символизировать ту «славянскую цивилизацию», зарождения которой чаял мыслитель. Неудивительно, что поток миро-

вой истории посредством этого русского ключа пробился и на благодатной крымской земле – в имении основателя цивилизационного подхода Данилевского.

Леонтьев посвятил этому вопросу меньше времени: ознакомившись со списком Данилевского, он согласился с его содержанием, добавив лишь две цивилизации. При этом если выделение лидийского типа никак не было им обосновано, то византийской цивилизации он посвятил немало места в своих исследованиях. Однако его представления о «русском византизме» зачастую неверно интерпретируются исследователями, говорящими о России как части уже не европейской или «сла-



**Русская историография и общественная мысль XIX века очень часто высмеивали, порочили, игнорировали идеи Третьего Рима и «византизма»: симфония Церкви и царства в Византии в их освещении превращалась в «деспотию», а византийское искусство – в «негуманистическое мракобесие».**

вянской» цивилизации, но как части Византии. Остановимся на этом вопросе подробнее. В исследовательской литературе уже не раз отмечалась явная неадекватность образа Византии. Образа, характерного для европейских эпох «Возрождения» и «Просвещения». Тог-

да, по словам Юрия Андропова, Александра Мячина и Александра Ширинянца, за «Византией» и производными от нее терминами «прочно закрепился статус бранного слова, являвшегося синонимом <...> невежества, тупости, отсталости, лицемерия и

коварства в политике, несвободы, рабства и покорности личности». «Благодаря» проевропейскому позиционированию русской науки XVIII – первой половины XIX веков такое представление об империи ромеев перекочевало не только в научную, но и в общественную мысль России, где сохранилось, несмотря на формирование и расцвет русского византиноведения, во многом до сего дня. Поэтому русская историография и общественная мысль



Та идея, которую Леонтьев обозначил как «византизм», является тем, благодаря чему Россия стала Третьим Римом. Суть этой идеи не только в преемственности по отношению к империи ромеев, но и в самобытности России.



**Все значительное в истории выковывалось в ходе осуществления стратегии «иосифлянства» — за счет устроения человеком не только окружающего мира, но в первую очередь самого себя. Стратегии же прогрессизма и хилиазма, напротив, приводят к регрессу и деградации.**

XIX века очень часто высмеивали, порочили, игнорировали идеи Третьего Рима и «византизма»: симфония Церкви и царства в Византии в их освещении превращалась в

«деспотию», а византийское — сплошь церковное — искусство — в «негуманистическое мракобесие». Здесь с Александром Герценом («византизм — это старость, уста-

лость, безропотная покорность агонии»), Петром Чаадаевым («путь Византии — это путь забвения, одиночества и отсталости») и Владимиром Соловьевым («уродливое и гнилое здание Византийской империи разрушено», эта фраза глубоко возмутила Леонтьева), как это ни удивительно, солидарны Иван Аксаков, Петр Астафьев, Михаил Катков, Александр Киреев. И даже, несмотря на неизмеримо более значительную источниковую фундированность современной науки, Георгий Любарский («Византия, заимствовав силу Востока, сама не погибла, но осталась бесплодной»).

Леонтьев имел возможность, благодаря дипломатической службе, что называется, на месте ознакомиться с византийским наследием в Греции и на Балканах. Поэтому его очень сильно задело отсутствие в списке цивилизаций Данилевского Византии. Самостоятельный в других своих выводах, Данилевский поставил риторический для своего времени вопрос о Византии: «Слишком тысячу лет прожила она после отделения от своей римской, западной сестры; каким же прогрессом ознаменовалась ее жизнь после последнего великого дела эллинского народа — утверждения православной христианской догматики?» То есть мыслитель не предпринял попытки уйти от общественного штампа.

Похожим образом обстоит дело и с интерпретацией леонтьевского «византизма», который — без малейшей оглядки на современную Леонтьеву историографию (и на характер мышления самого Константина Николаевича) — доводится до абсурда в «новой версии учения о Третьем Риме». Леонтьев-де, в противоположность старцу Филофею, верил не в Москву — Третий



Николай Неврев. Опричники. Ранее 1904

Рим, а в необходимость обновления русскими и греками Второго Рима, то есть Византии. В подобных интерпретациях совершенно игнорируется тот факт, что ввести этот термин Леонтьева побудили современные ему реалии. Во-первых, огульное посрамление Византии в Европе и европеизированной мысли России, во-вторых, неумное — чисто этническое — восхваление «славянской идеи». Вот что писал о термине «византизм» сам Леонтьев в письме к отцу Иосифу Фуделю: «Это слово “византизм” употреблено мною изо всех статей моих только в одной (“Византизм и Славянство”); опасаясь (тогда, в 72—73 гг.) каких-то туманных и обманчивых либерально-славянских новшеств на старой греко-российской церковной почве, я захотел пояснее указать на то, что даже и помимо сферы личной веры того или другого из нас, православие (греко-ви-

зантийцами развитое) имеет для России и культурно-государственное значение (просветительное, обособляющее и утверждающее). И только! После этого я нигде ни разу не говорил “византизм” (поищите-ка!), а всегда уже говорил “Православие”, “Самодержавие” и т.д.»

Поэтому было бы сущей насмешкой истории, совершенным непониманием духа леонтьевской историософии воспринимать его «византизм» как констатацию «несамостоятельности» России, ее «второсортности» или некой «неважности» по сравнению с самой Византией. Напротив, если бы вдруг кто-то из современников Леонтьева так проникся его идеями, что загово-

рил бы о русской области византийской цивилизации, Леонтьев (как и в случае со «славянской» и «туранской» цивилизациями) сразу бы обратил внимание на европейские связи Руси. Во всем необходима гармония, стратегия золотой середины, поэтому-то он иногда позволял себе делать акцент больше на византийскости России, чем на ее славянскости: «Уменьшатся только наши лжеславянские претензии; наше культурно-национальное сознание примет только с этой стороны более правильное и добросовестное направление».

Леонтьев достойно ответил на вопрос Данилевского о том, чем была богата жизнь Византии, не только выделив Ви-

**За спадом, который начинается в момент надлома цивилизации (в России это опричнина, а затем и Смутное время), следует оживление, совпадающее с основанием империи. Акценты с внутренних процессов переносятся на внешние (включая культурное, военное и хозяйственное завоевания).**

Илья Репин. Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в честь столетнего юбилея. 1904



**К концу империи знать вырождается. Власть начинает восприниматься как узурпированная и утратившая свою сакральность. Империя всегда величественна, могущественна, впечатляет своим размахом, но неизменно терпит крах.**

зантию в отдельную цивилизацию, но и описав высокий уровень разных ее составляющих. Имея греческие, римские и израильские корни своей национальной идеи, эта цивилизация сплотила их в едином порыве и на их базе создала сложную, величественную и одухотворенную композицию религиозной, культурной и государственной составляющих ее цивилизации. Мыслитель рассматривал «византизм» в первую очередь как идею, основанную на православии, то есть христианстве «с определенными чертами, отличающими его от западных Церквей, от ересей и расколов». Вследствие этого византийский идеал чужд «крайне преувеличенному понятию о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом». Чужд он

и хилиазму — «всякой надежде на всеобщее благоденствие народов». А потому «он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всевершенства и вседовольства». «Византизм» в государстве, несомненно, означает иерархию, а в культуре — весьма ясные представления об эстетике, искусстве, науке, модах, обычаях, вкусах и одеждах. Леонтьев писал о богатой литературе (исторической, философской, догматической, богослужебной, нравственно-аскетической), неподражаемых и недостижимых образцах искусства — святой Софии, иконописи Панселина, бесчисленных церковных песнопениях, «коими оглашаются и — как можно верить — до конца мира будут оглашаться во всей вселенной православные храмы»,

характеризуя все это как «в высшей степени самородное, оригинальное, новое». А потому величайшее значение византийской цивилизации для Леонтьева было очевидным. По словам Вадима Кожина, «как раз тогда, когда Леонтьев писал эти строки, достигли своей научной зрелости выдающиеся творцы русского византиноведения». Публицист имел в виду академиков Василия Васильевского, Федора Успенского, Никодима Кондакова, «труды которых подтверждали полную правоту Леонтьева». Та идея, которую Леонтьев обозначил как «византизм», является тем, благодаря чему Россия стала Третьим Римом. Суть этой идеи не только в преемственности по отношению к империи ромеев, но и в самобытности России. Весьма схожая с леонтьевской концепция «византийского наследия России» профессора византийского и современного греческого языка, истории и культуры Лондон-



Джеймс Гиллрей. Сливовый пудинг в опасности, или Государства-эпикурейцы решили подкрепиться. Ведь шар земной со всем, что есть на нем, слишком мал для того, чтобы утолить ненасытные аппетиты. 1805 (карикатура, изображающая британского премьер-министра Уильяма Питта и Наполеона)

ского университета Тойнби была продиктована отличным знанием истории. И это его убеждение очень не понравилось всевозможным сторонникам «общечеловеческой цивилизации».

Таким образом, как «антиславянская» часть наследия Леонтьева призвана продемонстрировать самобытность России, точно так же, писал он, и всякая защита русского цивилизационного идеала, служение ему «есть в моих глазах служение моему же идеалу, моему греко-россиянству, моему “византизму”».

Возвращаясь к перечню цивилизаций, отметим, что через полвека после Леонтьева Шпенглер составил свой список, в который внес двенадцать цивилизаций — египетскую, китайскую, вавилон-

скую, индийскую, античную (она же «аполлоническая», или «греко-римская»), арабскую (позднее — «магическая», или «византийско-арабская»), западную («фаустовскую»), майяскую, персидскую, хеттскую, кечуанскую (инкскую) и русскую («сибирско-русскую»). Последняя, в отличие от остальных, мыслилась им скорее как цивилизация будущего. Наиболее плодотворно над составлением списка цивилизаций поработал Тойнби. В его первоначальный состав входили Византия («православно-христианская» цивили-

зация, расположенная в Юго-Восточной Европе и России), исламская цивилизация (сосредоточенная — по диагонали — через Северную Африку и Средний Восток от Атлантического океана до Великой китайской стены), Индия, дальневосточная цивилизация, а также две многосоставные цивилизации. В первую ученый включил монофизитов Армении, Месопотамии, Абиссинии и Египта, несторианских христиан Курдистана и Малабара, а также евреев и парсов. Во вторую — Тибет, Монголию, Цейлон,

**Цезаризм наследует жесткое внешнее оформление империи и нетрадиционную сущность либерализма. Цивилизация заканчивается искажением всего того, что характеризовало ее зарождение и расцвет, — пародией на духовность, пародией на культуру, пародией на государственность.**

Виктор Васнецов. Богоматерь на троне. 1901



**Возможность говорить о византийском наследии возникла лишь тогда, когда Россия стала самобытной духовной, культурной и государственной единицей истории – таким историческим типом, который одновременно прочувствовал свою вселенскую и свою инаковость.**

Бирму, Таиланд и джайнов Индии.

Некоторые из названных цивилизаций включают в себя целый ряд миров, на сомнительных основаниях внесенных в составные типы. Неудивительно, что впоследствии английский историк как минимум дважды видоизменял список. Вначале он вырос до девятнадцати, а затем – до двадцати одной цивилизации.

Сюда вошли египетский, андский, китайский, минойский, шумерский, майянский, сирийский, индский, хеттский, эллинский, западный, православный в России, дальневосточный в Корее и Японии, православный основной в Византии, дальневосточный основной, иранский, арабский, индуистский, мексиканский, юкатанский и вавилонский исторические типы. При этом

историк не исключал, что примитивных обществ значительно больше, приводя в качестве примера исследования западных антропологов Хобгауза, Уэлера и Гинзберга, которые в 1915 году, даже ограничив себя только теми обществами, сведения о которых достоверны, составили список порядка 650 таких обществ. Однако, писал Тойнби, «сравнивать цивилизацию с примитивным обществом – это все равно что сравнивать слона с кроликом. <...> Жизнь примитивных обществ, подобно жизни кроликов, часто завершается насильственной смертью, что особенно неизбежно при их



Константин Маковский. Крестьянский обед в поле. 1896

встрече с цивилизациями». Поэтому при сравнении цивилизаций с примитивными обществами первых оказывается несопоставимо меньше. Ученый делал вывод, что «более детальный анализ вскрыет значительно меньшее число полностью независимых цивилизаций — около десяти». И хотя впоследствии Тойнби вновь расширил свой список — до тридцати семи цивилизаций, — его исследования позволяют сделать вывод, что историю перед вечностью представляет ограниченное число исторических типов — от десяти до двадцати. Это согласуется с мнениями Данилевского, Леонтьева и Шпенглера. Таким образом, динамика, характеризующая составление перечня цивилизаций, показала, что хотя основатели цивилизационного подхода, жившие в XIX веке, и не имели еще многих знаний (скажем, о цивилизациях Мезоамерики), тем не менее они верно опре-

**Конкретно-историческое наполнение русского расцвета богато содержанием. Стоглав, ставший кульминацией симфонии Церкви и царства, соборное прославление русских святых зафиксировали духовную составляющую, а Домострой — семейно-культурную.**

делили состав перечня цивилизаций, что было доказано исследованиями Тойнби, труды которого на порядок более фундаментальны в историко-ведческом плане.

Что касается современного состояния списка, то он также несильно отличается от первоначального. Например, европейские ученые насчитывают либо шестнадцать доказанных и восемь вероятных исторических типов (Керолл Куигли), либо порядка двенадцати (Филипп Бэгби), девяти (Фернан Бродель) или семи (Золт Ростовани). Мэтью Мелко также подмечает двенадцать цивилизаций. Среди них семь ушедших — месопотамскую, египетскую, критскую, классическую (то есть греко-рим-

скую), византийскую, центральноамериканскую и андскую. И пять живых — китайскую, японскую, индийскую, исламскую и западную.

На мой взгляд, в современном мире можно говорить о следующих живых цивилизациях — русской, западной (включая Северную и Южную Америку, ЮАР, Японию, Австралию), китайской, индийской. В Азии и Африке сохранились видоизмененные остатки нескольких некогда великих цивилизаций — на территории современных Ирана, Эфиопии, Мали, Нигерии, Уганды, Зимбабве и других стран.

Обратимся к основным закономерностям развития цивилизаций.

Сергей Присекин. Борис Годунов. 1993



**В отношении событий русского расцвета существует целый ряд штампов. Это и якобы «европеизация» России с Ивана III, последующие «западничество» и «макиавеллизм» Ивана IV, «неадекватность» Федора I и представление о Борисе Годунове как об «убийце».**

Самым значительным стимулом, оказывающим содействие их развитию, является «стимул страдания», формулирующийся как представление о том, что неблагоприятные обстоятельства («вызовы» Тойнби) способствуют росту. И наоборот: удобные географические и климатические обстоятельства оказываются не только не способствующими развитию, но в известной

мере ему препятствующими. Подобная констатация не является призывом к искусственному созданию трудных условий существования, но говорит о том, что все значительное в истории выковывалось в ходе осуществления стратегии «иосифлянства» — за счет устройства человеком не только окружающего мира, но в первую очередь самого себя. Стратегии же прогрессизма и

хилиазма, напротив, приводят к регрессу и деградации. При этом «стимул страдания» сопутствует не только процессу роста, но и разложению. В одном случае он инициирует развитие, тогда как в другом случае способствует регрессу. Все когда-либо существовавшие цивилизации проходили обычно через три периода развития. Хотя эта схема открыта в сторону увеличения количества периодов развития, которые, однако, носят уже подчиненный характер, а потому именуется тактами. Так, третий период — период смешения — имеет три такта — имперский, либеральный и цезарианский.

За спадом, который начинается в момент надлома цивилизации (в России это опричнина, а затем и Смутное время), следует оживление, совпадающее с основанием империи (первый такт третьего периода). Акценты с внутренних процессов переносятся на внешние (включая культурное, военное и хозяйственное завоевания). К концу империи знать вырождается. Власть начинает восприниматься как узурпированная и утратившая свою сакральность. Империя всегда величественна, могущественна, впечатляет своим размахом, но неизменно терпит крах.

На смену имперскости приходит либеральность (второй такт), которая представляет собой попытку возврата от внешнего расширения к внутреннему совершенствованию. Однако трагедия этой попытки заложена в изначальном ее основании — выделении из общего контекста понятия «свобода». Понятия, воспринятого как освобождение от традиции, дисциплины и иерархии. Там, где раньше была величественность, нарождается идеал усредненности, который, будучи доведенным до предельной точ-



Сергей Иванов. Приезд иностранцев в Москву XVII века 1901

ки, вызывает к жизни цезаризм (третий такт), наследующий жесткое внешнее оформление империи и нетрадиционную сущность либерализма. Это обратная перспектива традиции: цивилизация заканчивается искажением всего того, что характеризовало ее зарождение и расцвет, — пародией на духовность, пародией на культуру, пародией на государственность.

Воспользовавшись законами развития, выявленными основателями цивилизационного подхода, следует обратиться к периодизации русской истории. Русский расцвет начинается во второй половине XV века, в период закрепления церковной и государственной самостоятельности Руси, после Ферраро-Флорентийской унии и захвата Константинополя, которые дали право России окончательно принять на себя византийское наследие.

Окончание периода расцвета приходится на время церков-

**Заемствование экономических, технических и военных достижений Европы привело к беспрецедентному государственному возвышению России, однако обращение к чуждым ценностям способствовало расколу между традицией и новыми идеалами и в конечном итоге — постепенному разрушению как первой отечественной империи XVIII — начала XX веков, так и второй, советской, империи.**

ного раскола, противостояния основных течений общественной мысли середины XVII века — грекофилов, староверов и латинян. И хотя остатки цветущей сложности еще наблюдаются при первых Романовых, тем не менее это уже рудименты традиционной Руси.

Для характеристики русской цветущей сложности принципиально важна идея Третьего Рима, которая естественна и органична в силу одновременности исторического бытия Византии и России. Эта естественность может быть продемонстрирована на примере того, как происходила русская рефлексия: сначала греки стали именовать Москву «царст-

вующим градом», а русского великого князя «царем», а затем уже и Россия признала свой высокий статус.

При этом важно понимать, что самобытность русской цивилизации определяется не тем, что она наследовала Византии. Напротив, возможность говорить о византийском наследии возникла лишь тогда, когда Россия стала самобытной духовной, культурной и государственной единицей истории — таким историческим типом, который одновременно прочувствовал свою вселенскость и свою инаковость (полностью в духе историософии Леонтьева и Данилевского: лишь та цивилизация обретает мировое

Илья Репин. 17 октября 1905 года. 1907



**Петровская политика XVIII–XIX веков и либеральная интеллигенция в значительной мере спровоцировали февральский переворот и большевистское восстание 1917 года. Революция была, с одной стороны, антизападнической, антипетровской, а с другой – антирусской и нетрадиционной.**

значение, которая имеет значение собственно-национальное).

Конкретно-историческое наполнение русского расцвета богато содержанием. Стоглав, ставший кульминацией симфонии Церкви и царства, соборное прославление русских святых зафиксировали духовную составляющую, а Домострой – семейно-культурную. Наибольшее число актов было посвящено устройению государства – это Степенная и Царственная книги, Лицевой свод, Сводная Кормчая и Судебник 1497 года. Идеи симфонии и иерархии были выражены также во многих других произведениях культуры того времени.

В отношении событий русского расцвета существует целый ряд историографических штампов, искажающих наше видение собственной истории. Это и якобы имевшая место

быть начиная с царствования Ивана III «европеизация» России, последующие «западничество» и «макиавеллизм» Ивана IV (в правление которого произошел разрыв между идеалом Третьего Рима и реальностью методов его воплощения), «неадекватность» Федора I и представление о Борисе Годунове как об «убийце».

Идею Третьего Рима нужно признать абсолютно не имперской, ибо преемство от Византии не подразумевает обращения к земному ее наследству. Претензии на Царьград и ожидание в связи с этим будущего расцвета – позднейшее явление, нехарактерное для жителей эпохи цветущей сложности, но присущее первым же поколениям XVII века, в котором Россия становится империей.

Национальная идея обретается нацией в период расцвета и охраняется в последующий

период развития. Во время цветущей сложности единство православной, культурной и монархической составляющих создало то, что и является русской национальной идеей. Она не только в вере, не только в государственности или культуре, тем более она не в «решении» социальных, экономических, научно-технических или военных проблем. Национальная идея России состоит в целокупности русского национального самосознания – целокупности, которая, будучи достигнута и осознана в период расцвета второй половины XV – первой половины XVII веков, не должна быть забыта, изменена, расторгнута или «возрождена». Она должна быть охраняема. Именно русская идея есть тот «дух жив», который делает наш исторический тип не только самобытной цивилизацией, но и одним из величайших миров, когда-либо записанных в координатах истории.

Русская национальная идея – то, без чего не может существовать русская цивилиза-

Кадр из фильма «Обитаемый остров»



ция. Можно придумать сколько угодно новых идей, но они не только не станут той реальностью, которой был расцвет, но и отторгнут русскую нацию от собственной идентичности. Только такое образование уже нельзя будет назвать цивилизацией, а его носителей — нацией...

Подобное понимание исторического бытия разрушается лишь с кризисом традиционного мировоззрения. С XVII века начался процесс вестернизации России — процесс, представляющийся как многоэтапная русская реакция на давление извне, помноженная на кризис внутреннего самосознания. Заимствование экономических, технических и военных достижений Европы привело к беспримерному государственному возвышению России, однако обращение к

**Обещая земной рай, антрополатрия приносит диктаторскую, вовсе не либеральную власть. Это предуготовлено всем бытием либерально-демократических обществ: искусственное «развинчивание гаек» неминуемо влечет за собой пародию на самодержавие.**

чуждым ценностям способствовало расколу между традицией и новыми идеалами и в конечном итоге — постепенному разрушению как первой отечественной империи XVIII — начала XX веков, так и второй, советской, империи. Наступил второй такт третьего периода — либеральный.

Ключевые свойства этого такта — рационализация, либерализация и демократизация сознания.

Европейская демократия не универсальна. Поэтому важно разделять традиционную европейскую демократию и освобожденную от европейских

ценностей либеральную демократию, которая основана на отрицании традиции.

Основные черты либеральной демократии — подмена христианских императивов, безыдейность, оторванность от национальной почвы, историческая незрелость и деспотичность мнений. Основопологающие ценности либеральности позиционируются как общечеловеческие, что противоречит цивилизационному подходу: то, что вкладывается в это понятие, подразумевает заимствование чужих ценностей и как результат — потерю собственной само-

Виктор Васнецов. Воины Апокалипсиса. 1887



**В постцивилизации заложена гибель всех известных исторических образований, логический конец истории. Как бы ни были страшны классические войны, последний беспрецедентный конфликт цивилизаций, завершающее столкновение традиции и антрополатрии еще впереди.**

идентификации. Это происходит за счет привнесения традиционности в жертву индивидуализму как преувеличенному уважению к человеческой личности, губящему действительную индивидуальность характеров. Подобное жертвоприношение характеризуется расторгением дисциплины и свободы, обязанностей и прав, при этом совершенно упускается из вида одна часть и абсолютизируется другая, а также не акцентируется внимание на том, что истинная свобода есть преимущественно свобода духовная. Будучи вырванными из контекста, понятия прав и свобод становятся сугубо разрушительными. Неотъемлемой чертой либеральной демократии является капитализм, который подчеркивает ограниченность этой идеологии, ибо экономика не

является самостоятельной составляющей цивилизации, но лишь частью государства. Мало того, с капитализмом насаждается мнение, будто экономика может формироваться только по тем законам, которые актуальны для европейской цивилизации, тогда как в действительности сколько существует цивилизаций — столько существует и экономик. Капитализм, кроме всего прочего, противоречит самой либеральной демократии, так как наряду с декларацией гражданского равенства он усиливает неравенство экономическое. В итоге пара либерализм/капитализм характеризует совсем не борьбу за человеческое достоинство, но беспрецедентное перераспределение имущества от традиционных сословий к тем, которые на политических при-

зывах взрастили собственный капитал.

Крупнейшей реакцией на бытие либеральной демократии является идеология племенизма, представляющая собой вырванное из гармонии цивилизации и племени представление о нации как сочетании идей крови и почвы. В силу нетрадиционности этого отпора он стал лишь жесткой парой к «мягкой» либеральной демократии.

Социализм, так же как племенизм, является реакционной по отношению к либеральной демократии идеологией, использующей нетрадиционные идеалы материального благоденствия. Неудивительно поэтому, что западная политэкономия ставится им во главу угла, а традиционные сословия подменяются буржуазией и искусственно изобретенным «рабочим классом».

Петровская политика XVIII—XIX веков и русская либеральная интеллигенция в значительной мере спровоцировали как февральский переворот, так и большевист-

ское восстание 1917 года, ставшие одновременно и следствием утраты Россией национальной идентичности, и результатом окончания ресурса петровского военно-технического ответа на вызов Запада. Парадоксальность этой революции состояла в ее двоякости. С одной стороны, она была антизападнической, антипетровской, но с другой стороны — антирусской и нетрадиционной.

Характер советского государства носил неоднозначный характер. Если ленинский период по праву может быть охарактеризован как антитрадиционный, то короткий отрезок времени с конца 1930-х до конца 1940-х продемонстрировал частичное обращение к традиции. Об этом говорят в первую очередь историософская значимость Великой Отечественной войны и происходившие в ходе нее возрождение религиозности, увековечивание ратной славы России. Оценить весь третий период истории России (начиная с XVII века) можно, лишь рассматривая и петровскую реакцию и сталинскую реакцию как стадии единого движения, начало которому было положено столкновением двух цивилизаций. Двоякость, янусообразность советской идеологии этого времени привела к тому, что хотя 1945 год и вознес Россию на небывалую геополитическую высоту, но когда возникла реальная возможность перерождения СССР на традиционных началах, эта возможность использована не была.

Либерализм, племенизм и социализм, абсолютизируя соответственно свободу личности, крови и социально-экономических отношений, производят раздробление цивилизационного единства на отдельные составляющие. Главная черта, присущая всем нетрадиционным идеологиям, — про-

тивопоставленность по отношению к традиции.

Другим общим свойством является прогрессизм — глубоко ложное учение о бесконечном развитии мира от первоначального примитивного состояния к все более и более совершенному. Естественно-научной параллелью прогрессизма является дарвинизм.

Следующее общее свойство нетрадиционных идеологий — это «вторичная религиозность», которая предполагает попытки «улучшения» религии за счет экуменизма и взывание земного рая (хилиазм). Итак, в истории наличествуют не только три составляющих традиционной цивилизации (религия, культура и государство), но и три нетрадиционных идеологии, последовательно их пародирующие, — это либеральная демократия, племенизм и социализм. Эти идеологии можно объединить под именем антрополатрии (человекопоклонничество, *греч.*) — имеющей беспрецедентный характер революции, создающей новую отрицательную духовность, которая ведет к обожествлению человека.

При этом антрополатрийная вера не только не достигает собственных идеалов, но, напротив, подводит к утрате личностью собственной человечности: в замкнутом кругу либеральная демократия — социализм — племенизм индивидуум становится духовно несвободным существом, которое воспринимает традицию как рудимент «устаревшего» общества. В случае же выхода из этого круга он априори становится изгоем, новым «варваром».

Обманчивость антрополатрийного идеала заключается в том, что на смену либеральной демократии грядет третий такт последнего периода развития — цезаризм: обещая земной рай, антрополатрия приносит дик-

таторскую, вовсе не либеральную власть. Это подготовлено всем бытием либерально-демократических обществ: искусственное «развинчивание гаек» неминуемо влечет за собой пародию на самодержавие.

Это постцивилизация, третий — последний — вид обществ: как простые структуры допотопного мира характеризовали период простоты нашей истории, а цивилизации — его расцвет, так третий вид — единая антрополатрийная постцивилизация — призван стать олицетворением периода мирового распада.

В ней заложена гибель всех известных исторических образований, логический конец истории. Как бы ни были страшны классические войны, последний беспрецедентный конфликт цивилизаций, завершающее столкновение традиции и антрополатрии еще впереди.

Пропасть между традицией и антрополатрией непреодолима, как расстояние от праведного Лазаря до богача из евангельской притчи. Наследие основателей цивилизационного подхода, да и просто здравая мысль говорят о том, что если Россия желает — нет, не возврата, не мифического «возрождения», но сохранения и приумножения традиции, то ей нужно соблюсти одно, но весьма сложное правило: как можно ближе к идеалу расцвета второй половины XV — первой половины XVII веков и как можно дальше от антрополатрии. Нельзя забывать о многочисленных «измах», столетиями тревоживших и рвавших на части русскую цивилизацию, невозможно не учитывать опыт либерализма, племенизма, социализма, но изучая, надо понимать, что их выбор далек от традиции.

Традиция или антрополатрия — этот выбор решает все. 